

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО И НАЦИОНАЛИЗМ

Дарья Маковская

ДИСКУРС ГЕНОЦИДА В ТАКТИЧЕСКОМ ИНСТРУМЕНТАРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ¹

***Аннотация:** В статье анализируется использование дискурса геноцида в качестве тактического инструмента для достижения стратегических целей внешней политики. Рассматриваются возможные методологические основания исследования данной проблематики.*

***Ключевые слова:** геноцид, делигитимация, конструирование нации, инструментализм, территориальная дезинтеграция, мифологизация истории.*

***Summary:** The usage of the discourse of genocide as a tactical tool for achieving the strategic objectives of foreign policy is analyzed in this article. Possible methodological basis of the studying of this problem are considered.*

***Key words:** genocide, deligitimation, the construction of the nation, instrumentalism, territorial disintegration, mythologizing of history.*

Маковская Дарья Владимировна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

¹ Статья подготовлена в рамках НИР по теме «Факторы и механизмы дестабилизации ситуации на Северном Кавказе: исламизм, национализм и регионализм» (проектная часть государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации в сфере научной деятельности № 30.1577.2014/К).

Одним из основных признаков современных международных отношений является нивелирование значимости норм международного права, что проявляется как в действиях, так и в дискурсивных практиках некоторых акторов мировой политики². Вне правового содержания применяется и категория «геноцид», которая на данный момент является одной из наиболее политизированных и активно используется в современных информационных войнах.

Целью данной статьи является выделение основных направлений применения дискурса геноцида в тактическом инструментарии внешней политики государств.

Дискурс геноцида: методологические основания исследования

Реализуя заявленную тематику, необходимо отметить, что применение термина «геноцид» в общественно-политическом дискурсе зачастую базируется не на его юридическом значении, а на индивидуальном понимании и субъективных представлениях о прошлом.

Свобода исторических интерпретаций и конструирование исторических мифов, затрагивающих тему геноцида, актуализируют использование методологического синтеза в контексте заявленной проблематики. Это позволяет включить в исследование все уровни изучаемых объектов от государств до отдельных представителей социальных групп, а также объяснить природу рациональности иррационального в политических практиках некоторых акторов международной политики, связанных с использованием дискурса геноцида в качестве тактического инструмента внешней политики.

Достаточно операциональным здесь является сочетание неореализма с постмодернистскими подходами в теории международных отношений, в частности, с конструктивизмом, в рамках которого осуществляется актуализация сущности восприятия и осмысления реальности в построении и реализации международных отношений. В частности, опираясь на положения, сформулированные американским конструктивистом А. Вендтом, можно говорить о базировании системы международных отношений на взаимодействии ее акторов, в результате чего формируется конкретная социальная реальность, а «характер междуна-

² Подробно см.: *Федякин А.В.* Реализация национальных интересов как стратегический приоритет современной российской политики // Вестник Российской нации. 2014. № 6. С. 110–132.

родной жизни определяется убеждениями и ожиданиями, которые государства имеют друг о друге, и это устанавливается социальными, а не материальными структурами»³, при сохранении второстепенной значимости силы и интересов государств.

Учитывая, что дискурс геноцида направлен в первую очередь на массовое сознание населения государств-объектов геополитического влияния и призван сформировать его готовность и стремление к различного рода деструктивному поведению по отношению к собственному или заданному государству-объекту канализированного отношения, основанного на различного рода интерпретациях исторического прошлого, актуальной является необходимость обращения к социологическим теориям в качестве методологического базиса исследования.

Значительным эвристическим потенциалом, позволяющим преодолеть противоречия реализма и конструктивизма в историческом познании, обладает теория феноменологического конструктивизма, разработанная П. Бергером и Т. Лукманом. В рамках этой теории познающий субъект в большей степени конструирует, а не отражает историческую реальность в рамках определенного культурно-эпистемологического контекста, но данная реальность в значительной степени соответствует исторической действительности.

«Геноцид» как юридическая дефиниция

Как уже отмечалось выше, активное применение отличного от закрепленного в правовых документах определения термина «геноцид» является объективной реальностью, что обязывает нас зафиксировать его правовое содержание.

Термин «геноцид» (от греч. *genos* – род, племя и лат. *caedo* – убиваю) впервые введен польским юристом, профессором Р. Лемкиным. В 1933 г. на 5-й Конференции по унификации международного уголовного права действия, направленные на уничтожение или разрушение расовых, этнических, религиозных и социальных сообществ, были выделены им в отдельный вид преступлений и разделены на две группы: 1) акты варварства, которые выражаются в посягательстве на жизнь людей или же подрыве экономической основы существования данной груп-

³ *Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 20.*

пы лиц; 2) акты вандализма, выражающиеся в уничтожении культурных ценностей группы лиц.

Непосредственно термин «геноцид» был сформулирован Р. Лемкиным в 1944 г. в работе «Основное правило в оккупированной Европе» следующим образом: «Под геноцидом мы понимаем уничтожение нации или этнической группы... В целом геноцид не обязательно означает моментальное уничтожение нации... Он скорее предполагает координированный план действий, направленный на разрушение основ существования национальных групп с целью искоренения самих этих групп. Составные части такого плана – уничтожение политических и общественных институтов, культуры, языка, национального самосознания, религии, экономических основ существования национальных групп, а также лишение личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и самих жизней людей, принадлежащих к этим группам. Геноцид направлен против национальной группы как целого, и предпринимаемые действия обращены против людей не как отдельных личностей, а именно как членов национальной группы»⁴.

Суть определения «геноцид» содержится в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, принятой резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г., которая сегодня является ключевым документом, формирующим правовую базу по предупреждению преступления геноцида и наказания за него, обладающим статусом международного обычного права и обязательным для всех государств.

Согласно Конвенции, «под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; в) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; д) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую»⁵.

⁴ Стрелюхов В.В., Иванов И.А. Проблемы предупреждения преступления геноцида и ответственности за него в контексте агрессии Грузии против Южной Осетии в 2008 году // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4. С. 129–130.

⁵ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml.

Для нашего исследования принципиально важным является то, что в юриспруденции дефиниция преступления геноцида базируется на его уникальной субъективной стороне, и деяние, результатом которого могут быть массовые жертвы, является геноцидом только в том случае, если оно направлено против национальной, этнической, расовой или религиозной группы с обязательным наличием умысла уничтожить эту группу полностью или частично.

Тактическая инструментализация дискурса геноцида: рычаги давления и вопросы легитимности

Одним из ярких примеров, в котором проявляется тактическая рациональность использования термина «геноцид», служит его употребление в качестве инструмента международного давления, проявляющееся, в частности, в дискурсных практиках вокруг признания геноцида армян младотурками в период с ноября 1914 г. по октябрь 1918 г.

Ограничившись констатацией достаточно хорошо изученного противостояния турецкой и армянской сторон в данном вопросе, отметим сам факт использования данного дискурса в качестве определенного инструмента давления. Доказательством этого являются, например, требования о признании геноцида армян Турцией в качестве условия ее вхождения в Евросоюз. Характерным примером является последовавшее за заявлением о визите Президента Российской Федерации в Армению в апреле 2015 г., приуроченном к памятным мероприятиям, посвященным 100-летию геноцида армян в османской Турции, заявление Б. Фейна, бывшего советника президента США Р. Рейгана, согласно которому, «Белый Дом провел расследование в связи с событиями в Османской империи в 1915 году. В результате власти США пришли к выводу, что разговор о “геноциде армян” не имеет под собой почвы, поскольку в 1915 году погибло гораздо больше турок, чем армян»⁶.

В последние годы обвинения в преступлении геноцида активно используются с целью легитимации и делегитимации деятельности государств-ведущих акторов международных отношений. Показательным здесь является попытка провести в Совбезе ООН 8 июля 2015 г. резолюцию по геноциду в Сребренице, на которую представителем Российской Федерации было наложено вето. Постпредами США и Велико-

⁶ Экс-советник Рональда Рейгана о «геноциде» 1915 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://golosislama.com/news.php?id=26626>.

британии в ООН сразу были сделаны резкие заявления в адрес российской стороны, содержавшие обвинения в отрицании юридически признанного факта.

Данное событие дает нам основания предполагать, что, во-первых, само выдвижение проекта резолюции имело своей целью представить Сербию фактически единственным виновником событий в Югославии. Кроме того, можно предположить попытку легитимировать самопозиционирование США в качестве абсолютного лидера однополярного мира и единственного субъекта международной политики, имеющего легитимные основания на применение военной силы на территории суверенных государств без учета предусмотренных международным правом процедур и санкций уполномоченных на это международных органов.

Учитывая устойчивую и четко декларируемую РФ позицию о невозможности признания событий в Сребренице геноцидом, основанную на фактическом отсутствии юридической доказанности факта геноцида и отрицании возможности переноса вины за действия отдельных радикальных военных формирований, присутствовавших в рядах разных сторон вооруженных конфликтов на территории бывшей Югославии, на весь сербский народ, выдвижение данной резолюции с заведомо прогнозируемым вето РФ могло иметь своей целью делегитимацию России в качестве члена Совбеза ООН, как поддерживающего виновников геноцида. Данное решение было подвергнуто критике и некоторыми отечественными правозащитниками, заявившими о начале утраты РФ легитимности в качестве члена Совбеза ООН⁷.

Дискурс геноцида на постсоветском пространстве: геополитическое дистанцирование и конструирование нации

Необходимо отметить, что именно Российская Федерация достаточно часто становится объектом обвинений в совершении геноцида, а ситуации с участием других государств, которые с достаточной степенью обоснованности могут быть рассмотрены на предмет осуществления геноцида, ими фактически не артикулируются (действия европейских переселенцев, а затем белого населения США в Северной Америке по отношению к североамериканским индейцам, французских колониаль-

⁷ Наложив вето, Россия начала делегитимацию своих прав на нахождение в СБ ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://site.ua/oleksandr.starish/528-nalozhiv-veto-rossiya-nachala-delegitimatsiyu-svoih-prav-na-nahojdenie-v-sb-oon/>.

ных властей в Руанде и Алжире, Британии по отношению к бурам, тасманийцам и т.д.).

Преимущественно дискурс геноцида активно использовался некоторыми государствами постсоветского пространства в качестве составляющей комплекса мер, направленных на обоснование своей суверенности и обеспечения геополитического дистанцирования от РФ на основании виктимизации населения этих государств и формировании у населения негативного отношения к совместному периоду истории.

В частности, это можно проследить на примере Эстонии, где сконструирован миф о геноциде эстонского народа «советскими оккупантами» в 1944–1953 гг. и целенаправленно искажается численность репрессированных и арестованных в этот период (хотя архивные документы, использованные в своей работе А.Р. Дюковым, позволяют называть цифру 5–6%)⁸. При этом умалчивается тот факт, что репрессиям и арестам подвергались лишь те, кто во время войны вместе с нацистами уничтожал мирное население на оккупированных территориях, а после освобождения Эстонии вел вооруженную борьбу против советской власти, а также их пособники.

Совпадающей целью здесь является использование дискурса геноцида с целью конструирования нации в постсоветских государствах. В частности, лейтмотивом конструирования украинской нации в рамках стратегии «этнозащитного национализма» и формирования массового комплекса «жертвы» стала административная виктимизация населения Украины с помощью внедряемой в массовое сознание интерпретации голодомора 1932–1933 гг. в СССР как геноцида, направленного на целенаправленное уничтожение украинцев.

В 2006 г. Парламент Украины принял закон, согласно которому голодомор 1932–1933 гг. признается актом геноцида украинского народа и предусматривает административную ответственность за публичное отрицание официально установленной трактовки голодомора.

Указанная политика не только проводилась на законодательном уровне, но и внедрялась на уровне формирования этнических стереотипов, переносащихся на уровень отношения к России как к государству, у учащихся школы.

Например, при рассмотрении темы «Голодомор 1932–1933 годов» (курс истории Украины, 10-й класс) давалось очень яркое описание ужасов голодомора в украинских деревнях, упоминались случаи канниба-

⁸ Дюков А.Р. Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). М.: Алексей Яковлев, 2007. С. 107–108.

лизма. При этом не упоминалось о голодоморе на российских территориях. В рамках данного конструкта давалась очень эмоциональная анти-российская окраска происходивших событий: «Еще не развеялся трупный смрад в опустелых украинских хатах, а из других республик СССР, особенно из России, уже направлялись эшелоны с переселенцами»⁹. Далее преподносилась информация о целенаправленно спланированном Москвой голоде, организованном с целью подрыва извечного стремления украинцев к отстаиванию национальных прав.

Дискурс геноцида как катализатор процессов дестабилизации и территориальной дезинтеграции

Отдельно стоит упомянуть использование дискурса геноцида в качестве тактического инструмента для запуска и активизации дезинтеграционных процессов внутри Российской Федерации, формирования у некоторой части населения негативного отношения к федеральному Центру, осуществляемое через внедрение определенных исторических нарративов и жесткого конструктивистского подхода к интерпретациям истории.

Одним из наиболее информационно обеспеченных и активно внедряемых в общественное сознание через интернет-пространство является т.н. «черкесский вопрос», в рамках которого конструируется мифологизированная версия истории об осуществлении Российской империей в период Кавказской войны целенаправленного уничтожения горских народов Кавказа, искусственно объединяемых под общим этнонимом «черкес». При этом «агрессия» против черкесов ставится в один ряд с геноцидом армян и Холокостом.

Пиковая активность веб-ресурсов, продуцировавших данную мифологию, «приходится на 2010–2012 гг. и максимально снижается после окончания Зимних Олимпийских Игр в г. Сочи 2014 г.»¹⁰. Как отмечают исследователи данной проблематики, «после окончания Зимних Олимпийских Игр 2014 г. информационный вакуум заполняется событиями внутренней и внешней политики, трактуемыми в антироссийском ключе. При этом “черкесский вопрос” не снят с повестки дня. Официальное

⁹ Турченко Ф.Г. Новейшая история Украины. Часть первая. 1914–1939: Учебн. для 10-го кл. общеобразоват. учебн. завед. К.: Генеза, 2003. С. 297–298.

¹⁰ Цибенко В.В., Цибенко С.Н. Черкесские веб-ресурсы: структурные особенности, динамика развития, содержательные аспекты // Научная мысль Кавказа. 2015. № 2. С. 67.

признание геноцида черкесов Российской Федерацией и мировым сообществом является стержневой темой всех черкесских веб-ресурсов»¹¹.

Дискурс геноцида продуцируется в основном представителями черкесской диаспоры при поддержке и информационном обеспечении со стороны международных акторов («Джеймстаунский фонд» в США, имеющий тесные связи с администрацией Соединенных Штатов, в исполнительный комитет которого вошел бывший директор ЦРУ Дж. Вулси; Европарламент, где сложилась практика проведения слушаний «Черкесский день»; позиций Грузии, признавшей геноцид черкесов на парламентском уровне и проявляющей высокую активность в информационной и идеологической поддержке требований черкесских организаций)¹².

Дискурс геноцида черкесов, в котором сам термин «геноцид» применяется в интерпретации, не соответствующей его юридическому значению, с опорой на собственное понимание данной дефиниции (то, «что подразумевают черкесы под признанием геноцида»¹³), служит реализации достаточно определенных стратегических целей, предусматривающих решение ряда тактических задач. В их числе: признание факта геноцида черкесов международными организациями (ООН, Совет Европы) и иностранными государствами, подача и удовлетворение судебных исков по компенсации нанесенного ущерба государством, совершившим акт геноцида.

В рамках данного дискурса активно муссируется тема возрождения «уничтоженного в результате 250-летней агрессии Российской империи» государства «Черкессия» («Великая Черкессия»), правопреемницей которого является Российская Федерация.

В данной ситуации очевидна активная мифологизация истории и инструментализация на этой основе дискурса геноцида с целью дискредитации Российской Федерации, дестабилизации российского Кавказа, активизации дезинтеграционных процессов и установления геополитического доминирования США на данной территории.

Сходным по целям, механизмам внедрения и идеологической наполненности дискурсу «геноцида черкесов» можно назвать достаточно дав-

¹¹ Там же. С. 68.

¹² Баранов А.В. Регулирование рисков этнополитической мобилизации черкесского движения в условиях подготовки к зимней Олимпиаде 2014 г. // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1.

¹³ Добьется ли Мчахаути Сохрокова отмены 21 мая и уже признанного геноцида черкесов? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.natpressru.info/index.php?newsid=9876>.

но артикулируемую, но значительно активизировавшуюся после перехода Крыма под юрисдикцию Российской Федерации версию геноцида крымских татар. 10 августа 2015 г. на рассмотрение народных депутатов Верховной Рады Украины был передан законопроект под номером 2493 «О признании геноцида крымско-татарского народа».

Данное событие стало своеобразным продолжением заявлений делегатов Всемирного конгресса крымских татар, проведенного в Турции при участии лидеров нелегитимного и нелегального крымскотатарского Меджлиса, фактически не представляющего интересы крымских татар, на котором они потребовали признать Российскую Федерацию виновной в геноциде крымско-татарского населения с 1783 г. (год окончательного падения Крымского ханства).

Очевидно, что украинский законодатель в данной ситуации действует с опорой на конструирование исторических нарративов и игнорирует даже те факты, которые допускаются для опубликования в украинских учебниках истории. Например, это касается самого формирования запорожского казачества как силы, способной противостоять набегам ногайский орд и крымских татар, которые прекратились только после добровольного вхождения Крыма в состав Российской империи.

Если исходить из данной логики и отрицать конкретно-исторические особенности того периода, то необходимо признавать геноцидом практически соответствующую по времени Гайдаматчину – движение украинских крестьян XVIII в. против польской шляхты и католического духовенства, характеризуемого в украинских школьных учебниках как национально-освободительное движение украинцев, в ходе которого только в результате «Уманьской резни» в течении трех дней было уничтожено около 20 тыс. евреев и поляков. Тем более, необходимо признавать геноцидом «Волынскую резню» – массовое уничтожение поляков и евреев на территории Волыни в 1943 г. боевиками ОУН–УПА, что даже в проекте не рассматривается украинской стороной как предмет диалога между Польшей и Украиной.

Безусловно, в рамках одной публикации невозможно всесторонне рассмотреть вопросы тактической инструментализации дискурса геноцида в целях реализации внешнеполитических задач. Данная проблематика требует дальнейшего и более подробного изучения. Тем не менее, можно выделить следующие стратегические направления использования дискурса геноцида: легитимация и дегитимация акторов международной политики, осуществление внешнеполитического давления, конструирование нации и внешнеполитическое дистанцирование, де-

зинтеграции и дестабилизация государств. Данные обстоятельства делают необходимым планомерную политику противодействия использованию дискурса геноцида в деструктивных целях. Кроме того, с учетом расплывчатого и избирательного обращения к нормам международного права некоторых акторов международной политики, следование букве закона, однозначность в толковании и применении терминологии, тем более затрагивающей предметные области международного уголовного права, должны быть предельно точными. Тем более это касается термина «геноцид», который должен рассматриваться в строгом соответствии со своим юридическим значением.

Список литературы:

1. *Баранов А.В.* Регулирование рисков этнополитической мобилизации черкесского движения в условиях подготовки к зимней Олимпиаде 2014 г. // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
3. *Дюков А.Р.* Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). М.: Алексей Яковлев, 2007.
4. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml.
5. *Стремоухов В.В., Иванов И.А.* Проблемы предупреждения преступления геноцида и ответственности за него в контексте агрессии Грузии против Южной Осетии в 2008 году // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4.
6. *Федякин А.В.* Реализация национальных интересов как стратегический приоритет современной российской политики // Вестник Российской нации. 2014. № 6. С. 110–132.
7. *Цибенко В.В., Цибенко С.Н.* Черкесские веб-ресурсы: структурные особенности, динамика развития, содержательные аспекты // Научная мысль Кавказа. 2015. № 2.
8. *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.